

ревича Павла Петровича состоял, в начале царствования Екатерины, из следующих лиц <...> [1, с. 14]. Это наводит на мысль, что выделяемые структурные блоки текста представляют собой законченные рассказы, но это не совсем так. Уже блок текста под цифрой «VI» начинается словами: «Порошин, прекратив свой дневник, вместе с тем лишился и должности <...>» [1, с. 46], что свидетельствует о разорванности текста и, вместе с тем, отсутствии, выполняемых отдельными нарративами исследовательских задач.

Анализ историографического источника «Цесаревич Павел Петрович» позволяет уточнить, что в нем присутствуют видовые признаки, относящиеся к такому виду историографических источников как исторический очерк. Он принадлежит и к научному, и к социально ориентированному типу исторического знания, а в культуре XIX в. наделался такими признаками, как авторское испытание, недостаточность научности и популярность изложения материала [3, с. 343, 347]. Исторический очерк Кобеко имеет четкую историко-биографическую направленность. Само его произведение (выдержавшее несколько изданий) было адресовано не столько современной ему исторической науке, сколько предназначалось (не смотря на наличие сносок) широкому кругу читателей.

1. Кобеко Д.Ф. Цесаревич Павел Петрович (1754 - 1796) : историческое исследование / Дмитрия Кобеко / изд. 3-е доп. СПб: Типогр. М.М. Стасюлевича, 1887. – 474 с.
2. Лопатин В.С. Письма, без которых история становится мифом / В.С. Лопатин // Екатерина II и Г.А. Потемкин: личная переписка / изд. подготовил В.С. Лопатин М.: Наука, 1997. С. 473-540.
3. Маловичко С.И., Румянцев М.Ф. Монография и очерк : опыт сравнительного источниковедческого анализа / С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцев // Профессия – историк [к юбилею Л.П. Репиной] / отв. ред. О.В. Воробьева. М. : АКВИЛОН, 2017. – С. 337 – 484.
4. Маловичко С.И. Источниковедение историографии // Источниковедение: учебное пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков и др. ; отв. ред. М.Ф. Румянцев; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 685 с.
5. Панин Н.И. Всеподданнейшее предьявление слабого понятия и мнения о воспитании его императорского высочества, государя великого князя Павла Петровича. Записка графа Н. И. Панина. 1760 г. / Сообщ. Т.А. Сосновский // Русская старина, 1882. – Т. 35. - № 11. – С. 313-320.
6. Сорокин Ю. А. Политические режимы Екатерины II и Павла I в отечественной исторической литературе / Юрий Сорокин // Сибирские исторические исследования. 2014. № 3. С. 108-137.
7. Федорченко В.И. Кобеко Дмитрий Фомич / В. Федорченко // Императорский дом. Выдающиеся сановники. Энциклопедия биографий : в 2 т. – Красноярск : БОНУС ; М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – Т 1. – С. 550-552.

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В ЗЕРКАЛЕ ЮБИЛЕЙНЫХ ИЗДАНИЙ ЛАТВИИ (20–30 ГОДЫ XX ВЕКА)

Т.И. Кузнецова (Даугавпилс, Латвия)

В жизни как человека, так и больших людских общностей случаются разломы, политико-правовое, организационное, художественное и идеологическое оформление которых сопровождается возникновением новых состояний и новых образований в их, человека и общества, истории. Такими разломами были и русская революция 1917 года, одним из её многих очевидцев охарактеризованная как «трагедия России, обернувшаяся угрозой миру» (11, с.302), и создание Латвийской республики, чьё провозглашение 18 ноября 1918 года стало делом Народного Совета, собравшегося накануне и состоявшего из 35 человек (10, с.121).

Территория Латвии с конца XVIII века находилась в составе Российской империи, что обострило проблему позиционирования молодого государства по отношению к России и повлияло на место и характер русской революции 1917 года в идеологической системе Латвии. К весьма значимым инструментам идеологического воздействия в Латвии в 20-30-е годы XX века относились юбилейные тексты, посвящённые датам провозглашения Латвийского государства.

Тексты формируют общие места памяти, структурируют историческое время, должное быть значимым для большой людской общности, особенно той, что является ядром создаваемого государства. К средствам же структурирования исторического времени можно отнести отбор фактов, объём и детализированность их описания, контекст, в который они вводятся.

Состав юбилейных изданий, увидевших свет в Латвии в 1923, 1928, 1933 и 1938 годах, различается по объёму, тиражности, тиражируемости и расставленным акцентам. К пятилетию провозглашения Латвийского государства в 1923 году инициатором вышедшего юбилейного сборника стал Латышский Крестьянский Союз – ведущая политическая партия в стране (хотя и не имевшая парламентского большинства), представитель которой З. Мейеровицс возглавлял в это время правительство (26.06.1923 – 19.01.1924). Под эгидой данной партии вышла небольшая по объёму (70 страниц) брошюра „Valsts pieci gadi”, состоявшая из 41 текста разной жанровой принадлежности – от стихотворения Э. Вирзы „Latvijai” до воспоминаний разных людей. Начинаясь сей сборник с опуса К. Ульманиса „Zem Latvijas karoga”, который вплоть до 1939 года неоднократно перепечатывался и в приданной ему стихотворной форме был включен в учебники для основной школы.

В 1928 году десятилетие той же даты было отмечено более широким и разнообразным кругом публикаций, подготовленных и специальной юбилейной комиссией (3), и отдельными министерствами, внутренних

дел (5), образования (6), и частными лицами и организациями (8). В 1933 году состав изданий, приуроченных к государственному юбилею, оказался заметно суженным – лишь часть опубликованных единиц, представлявших частные лица и организации отставных военных, можно отнести к данному корпусу текстов. Двадцатилетнее существование Латвийского государства (1938 год) ознаменовалось ростом числа публикаций, причём посвящённых не столько самому факту провозглашения государства, его предпосылкам, как в 1923 году, или процессу становления государственности, освободительной борьбе 1919-1920 годов, как в 1928 году, сколько различным сторонам жизни общества за двадцать лет. К юбилейным изданиям этого круга относятся 20 публикаций, среди которых не было открыто официальных. Однако неудобный для чтения ввиду парадно-монументального формата фолиант „Latvija 20 gadus” (высота книги -23 см и толщина -3 см), вышедший под редакцией Р. Берзиньша-Вальдесса, основателя и директора Латвийского телеграфного агентства, в силу статуса авторов приобретал официально-юбилейный характер (4).

Некоторые из подобного рода изданий, благодаря неоднократному их репродуцированию, очень большим тиражам (например, брошюра „Latvijas brīvības cīņas un sasniegumi” вышла огромным для Латвии тиражом в 150 тысяч экземпляров) или подчеркнуто монументального характера, приобретали парадигмально-мироустроительный смысл.

Анализ указанных текстов обнаруживает известное замалчивание революции, произошедшей в 1917 году в России. Об этом свидетельствуют различные факты, связанные с характером упоминания революции в данных публикациях. Так, имело место «растворение» русской революции в общей революционной волне, составившей, по мнению ряда авторов, содержание эпохи рождения новых государств. Как писал А. Квиесис (представитель Латышского Крестьянского Союза, министр внутренних дел в 1921-1923 годах) в первом юбилейном издании: «Наше молодое государство родилось в эпоху революций и войны, когда разразившиеся над Европой революционные бури разрушили старые и сильные державы, чтобы (подчёркнуто нами – Т. К.) на их руинах можно было бы построить новые жизнеспособные государства» (2, с.56). Отметим, что в данном высказывании целью «революционных бурь» предстаёт создание новых государств и, таким образом, в осмыслении революции происходит известное смещение социальных и национально-политических акцентов в сторону последних. В этом, в свою очередь, находит выражение определённая однозначность видения революции, подтверждаемая и акцентированием рационального целеполагания, звучащего в слове «чтобы» из приведённого фрагмента очерка А. Квиесиса. Кроме этого, данная цитата неявно указывает на давно имеющие место быть устремления, в частности, латышского народа к политической самостоятельности. Но то, что лишь контурно очерчивалось в публикации 1923 года, в 1928 году утверждалось открыто и решительно.

Так, в издании, подготовленном в недрах Министерства внутренних дел, в его исторической части, написанной Э. Бланксом, подчёркивалась столетняя борьба латышей за самостоятельность, которая увенчалась провозглашением Латвийского государства 18 ноября 1918 года. Таким образом, русская революция 1917 года оттесняется в тень именно этого события. Э. Бланкс чётко определил «ложе» для этой революции в формируемом юбилейными текстами общем месте памяти. Он пишет: «18 ноября 1918 года Народный Совет провозгласил независимое Латвийское государство, воплотив, таким образом, мечты, ожидания, усилия и борьбу многих поколений латышского народа за независимость Латвии, её свободу и самостоятельность... И так же 18 ноября 1918 года – это не какая-то случайность, не отдельное, непредвиденное событие, а следствие того, что выдержали земля Латвии и её жители в больших и малых, трудных и тяжёлых событиях на протяжении долгих столетий» (5, с.3). Отодвинутая в тень 18 ноября 1918 года русская революция 1917 года признавалась как фон, сочетающий в себе различные обстоятельства, сделавшие возможным провозглашение Латвийского государства. В этом заметна уже отмеченная ранее одномерность видения революции (вполне понятная и, пожалуй, естественная для молодого государственного образования, нуждающегося в своей легитимизации), которая предстаёт ещё одним проявлением замалчивания революции 1917 года в России.

Обстоятельства, благоприятные для реализации политических устремлений латышей, судя по юбилейным публикациям, состояли, во-первых, в возможности в «медовый месяц» революции (до конца 1917 года) свободного выражения своих идей и намерений (3, с.16, 20), во-вторых, в побуждении к политическому самоопределению в силу наступившего разочарования в демократизме русской революции, которая отвергла мысль об автономии Латвии, а так же разочарования в прокламированных в марте 1917 года «принципах равенства и свободы», которым не следовали ни Временное правительство, ни пришедшие к власти большевики (9, с.6). К политическому самоопределению латышей подталкивала и отмечаемая авторами юбилейных текстов незащищённость территории, населённой латышами, перед немецким наступлением. Так, в издании 1928 года сказано: «Революция в России привела к тому, что не было ни одной власти, которая могла бы защитить Латвию от немецкого вторжения. Россия не могла этого сделать потому, что в борьбе политических партий за государственную власть верх взяли большевики, которые для того, чтобы быстрее захватить власть и обеспечить себе поддержку большой людской массы, были вынуждены провозгласить окончание войны и заключение мира «без аннексий и контрибуций» (5, с.6). «И надо признать, что Россия ... уже не хотела защищаться от немцев, т.к. российская революция так деморали-

зовала русскую армию, что та хотела и могла только окопы оставить и готовиться идти домой. Поэтому от этой деморализованной массы русских латышам нечего было ждать, а ликвидация фронта отдала бы все приграничные области, а значит, и Латвию, в зависимость от немецких войск» (5, с.6).

Взаимное же ослабление России и Германии, так же отмечаемое в юбилейных изданиях как «благоприятное обстоятельство», дополнительно мотивировало латышей к политическому самоопределению и открывало для них возможность и диктовало необходимость обособления от России. Как писал Э. Бланкс, «не было сомнений в том, что Россия стоит на краю бездны и что она втянет в эту бездну и Латвию, если мы не отделим судьбу своей страны от страны всех возможностей – от судьбы России» (3, с.20).

Закономерность и неизбежность такого обособления, т.е. создания латышами государства, настойчиво утверждалась и доказывалась культурной несовместимостью латышей и русских, равно как и отсутствием органической связи между территорией Латвии (Балтийским регионом) и остальной территорией России (см., напр.: 3, с.28).

По словам того же Э. Бланкса, «между культурами России и Латвии нет ничего общего» (3, с.21). Латвия, так же, как Финляндия, Польша, Литва и Эстония, по своему культурному состоянию и устремлениям есть западноевропейский народ, тогда как азиатская Россия силой тянула её в свои объятия» (10, с.118).

Ещё одно проявление определённого замалчивания русской революции видится в недетализированности, бессобытийности и безличности упоминаний этой революции. Исключения составляют названные в издании 1928 года «последние вожди революции Керенский и Ленин», ни один из которых не дал народам их священного права самоопределения» (10, с.119). Неконкретности описания революции соответствуют её обобщённо-оценочные характеристики, которые служат «очуждению» России и возведению ментально-эмоциональной стены между нею и молодым Латвийским государством. Например, как писал Э. Бланкс, «русская революция – это восстание рабов. Народные массы, которые сочувствовали идеям коммунизма, поняли их соответственно своему тёмному уму. Они думали, что целей долга и человечности больше нет, что каждый может делать то, что ему на ум придёт. Из мятежа дезертиров поднялась эта революция... По масштабам пролитой крови и ужаса русская революция займёт первое место в истории мировых революций» (10, с.80).

Таким образом, в юбилейных изданиях Латвии 20-30-х годов XX века русская революция 1917 года, во-первых, обладает значимостью лишь в тени акта провозглашения Латвийского государства и, во-вторых, в известной мере является «отсутствующей структурой» в формируемой юбилейными текстами модели исторического времени латышей.

Подобный характер упоминания русской революции 1917 года в указанных публикациях вполне понятен для молодого государства, возникающего на руинах империи и стремящегося идеологически обосновать свою легитимность и самостоятельность. Однако, транслируемые во времени однажды созданная модель отношения и «образ» революции превращаются в миф, осознание однозначности которого делает всё более и более актуальным многомерное исследование данной революции.

1. Es viņu pazīstu: Latviešu biogrāfiskā vārdnīca. – Mich.: Grand Haven, 1975. – 577.lpp.
2. Kviesis, A. Latvijas tiesas / A. Kviesis // Valsts pieci gadi 1918.-1923. – Rīgā: Brīvās Zemes izd., 1923. – 56.-57.lpp.
3. Latvija desmit gados: Latvijas valsts nodibināšanas un viņas pirmo 10 gadu darbības vēsture. – Rīgā: Jubilejas komisijas izd., 1928. – 384.lpp.
4. Latvija 20 gados. – Rīgā: 1938. – 415.lpp.
5. Latvija 1918-1928: Atskats uz latvju tautas pagātni un valsts pirmiem 10 gadiem. – Rīgā: „Iekšlietu Ministrijas Vēstneša” izd., 1928. – 160.lpp.
6. Latvijas brīvības cīņas un sasniegumi. – Rīgā: Izglītības Ministrijas izd., 1928. – 32.lpp.
7. Latvijas neatkarības X gadu jubilejas. – Rīgā: Reklama, 1928. – 32.lpp.
8. Latvijas Republika desmit pastāvēšanas gados. – Rīgā: Golts un Jurjans, 1928. – 805.lpp.
9. Paegle, S. Latviešu Pagaidu Nacionāla Padome un Rīgas Demokrātiskais Bloks // °Valsts pieci gadi 1918.-1923. – Rīgā: Brīvās Zemes izd., 1923. – 4.-8.lpp.
10. Silzemnieks, E. Latvijas atdzimšana: Valsts 10 gadu atcerei (1918-1928) / E. Silzemnieks. – Rīgā: A. Raņķa grāmatu tirgotavas agp., 1928. – 253.lpp.
11. Spekke, A. Latvijas vēsture / A. Spekke. – Rīgā: Jumava, 2003 (Stokholma, 1948). – 382.lpp.
12. Valsts pieci gadi 1918-1923. – Rīgā: Brīvības Zemes izd., 1923. – 70 lpp.

СОБИРАНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ ФОЛЬКЛОРА В КАРЕЛИИ В 1930-Е ГОДЫ

С.Н. Филимончик (Петрозаводск, Россия)

Карелия является уникальным местом сохранения богатейших традиций устного народного творчества славянских и финно-угорских народов. В XIX – начале XX вв. на Севере России был накоплен ценный опыт его исследования путешественниками, учеными-подвижниками. Собрание и изучение фольклора Карелии в 1930-е годы впервые развернули специальные научно-исследовательские подразделения. В 1931 г. начал работу Карельский научно-исследовательский институт (КарНИИ), в составе которого была создана этнографо-лингвистическая секция. КарНИИ тесно сотрудничал с фольклорными секциями Института по изучению народов СССР, Института антропологии и этнографии АН СССР.